

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р15

Дизайн обложки Владислав Воронин

Радзинский, Эдвард Станиславович.

Р15 Апокалипсис от Кобы. Иосиф Сталин. Начало / Эдварда Радзинский. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 384 с. — (Бестселлеры Эдварда Радзинского).

ISBN 978-5-17-155290-9

В основе книги Эдварда Радзинского лежит некая рукопись, полученная автором. Этот текст заново открывает нам затонувшую Атлантиду, страну по имени СССР, и ее самую таинственную и страшную фигуру – Иосифа Сталина.

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155290-9

© Э. Радзинский, 2023
© ООО Издательство АСТ, 2023

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
СЕРИЯ «БЕСТСЕЛЛЕРЫ ЭДВАРДА РАДЗИНСКОГО»

Эдвард Радзинский АПОКАЛИПСИС ОТ КОБЫ. ИОСИФ СТАЛИН. НАЧАЛО

12+

Зав. редакцией *Е. Толкачева*
Ответственный редактор *М. Николаева*
Выпускающий редактор *К. Пахомова*
Технический редактор *Н. Чернышева*
Корректор *С. Лаврентьева*
Верстка *О. Сухарева*
Дизайн обложки *В. Воронин*

Подписано в печать 04.08.2023. Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 24,0. Печать офсетная. Гарнитура Lazurski.
Бумага офсетная. Тираж экз. Заказ №
Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2017 (КПЕС 2008): – 58.11.1 – книги, брошюры печатные
Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2023 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1,
комната 705, помещение 1, этаж 7

Баспа Аст» ЖШҚ
129085, Мәскеу қ., Звездный гулзар, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, 1 жай, 7-кабат.
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
Интернет-дүкен: www.book24.kz

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды
қабылдаушының өкілі – «РДЦ-Алматы» ЖШС
Алматы қ., Домбровский көш., 3«а» үй, Б литері, 1 кеңсе.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 90, 91.
Факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz
Тауар белгісі: «АСТ»

Өндірілген жылы: 2023
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Өндірілген мемлекет: Ресей
Сертификация – қарастырылмаған

ЭДВАРД
РАДЗИНСКИЙ

АПОКАЛИПСИС
ОТ КОБЫ

Иосиф Сталин. Начало

Издательство АСТ
Москва

Эту рукопись я получил в Париже в 1976 году.

Я жил тогда в маленьком отеле «Delavigne» в Латинском квартале. Приехал я на премьеру своей пьесы и перед началом дал интервью парижской газете. На следующий день консьерж вручил мне тяжелый конверт... В нем была машинописная рукопись на русском языке и письмо, написанное от руки неровным почерком.

«Соотечественник!

Прочитал ваше интервью в «Монд». Узнал, что вы решили (точнее — решились) написать биографию "первого большевистского царя Иосифа Сталина". Так вы назвали моего дорогого друга Кобу.

Я стар. Я стремительно гасну, дней моих на земле осталось немного. И все, записанное мною на протяжении десятилетий... небывалых десятилетий! — попросту исчезнет в чужом городе. Я решил поторопиться... приходится торопиться... Я передаю рукопись вам. Я писал ее тогда и теперь. Тогда, в стране по имени СССР, записывал подробно и, не скрою, витиевато. (Я ведь, как многие в революционные годы, баловался литературой, даже роман писать собирался. Оттого и жилище в Париже выбирал литературное — живу здесь, в Латинском квартале, где меня, старого революционера, окружают такие родные, понятные тени. На мой дом глядят окна квартиры отца Революции Камилля Демулена. И отец гильотины, немец Шмидт, жил неподалеку. В двух шагах отсюда Бомарше сочинял своего Фигаро... Над его наглыми шутками, раздевавшими аристократов, хохотали до

Апокалипсис от Кобы

упаду сами аристократы. А вскоре такие же Фигаро погнали на гильотину всю эту веселившуюся сволочь. Запомните: самые грозные идеи приходят в мир веселой, танцующей походкой. Родной нашей грузинской лезгинкой часто приходят они в мир.)

Я заканчивал писать свои Записки здесь, за границей, и, к сожалению, кратко. Дрожит рука (Паркинсон). Дрожит жалкая рука, которая так ловко убивала.

Я не надеюсь, что эти Записки помогут вам понять "нашего Кобу" — как звали товарища Сталина мы, его старые, верные друзья. Разве можно понять такого человека? Да и человек ли он?

Но смерть Кобы понять помогут. О ней написано много всякого вздора. Коба ненавидел Троцкого, но ценил его мысли. Были у Троцкого слова, рядом с которыми Коба поставил три восклицательных знака: "Мы уйдем, но на прощанье так хлопнем дверью, что мир содрогнется..." Эти слова имеют прямое отношение к жизни Кобы, но еще больше — к его смерти.

В своем интервью вы сообщили, что хотите поговорить с охранниками Кобы, которые были с ним на даче в ту ночь. В ту судьбоносную ночь, когда все случилось! Пустое занятие! Они ничего не знают. Из ныне живущих знаю только я, его безутешный друг Фудзи, не перестающий думать о нем.

И Коба по-прежнему рядом с Фудзи. Такие, как Коба, не уходят. Он лишь на время схоронился в тени Истории. И поверьте — Хозяин, как справедливо звала страна "нашего Кобу",

Эдвард Радзинский

вернется в свою Империю. Впрочем, все это предсказал он сам, мой незабвенный друг Коба.

Мой заклятый враг Коба.

Он часто приходит ко мне по ночам, как только я засыпаю. И я чувствую его запах — старческий запах пота от поношенного кителя генералиссимуса».

Подписи не было.

Далее шла рукопись.

Привожу ее безо всякого изменения с эпиграфами, которые были на отдельной странице.

ИОСИФ СТАЛИН. ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ ДРУГЕ КОБЕ

«С 1917 года история России стала Историей большевистской партии. Всего через десять лет История России стала биографией Сталина».

«После его смерти ходило много слухов о его двойниках. Никаких двойников у него не было. *Но причина слухов была*».

ЧЕРНАЯ ФОТОГРАФИЯ*

У нас была общая фотография. На ней — Коба, я и наши друзья: Алеша Сванидзе, Авель Енукидзе, Камо Тер-Петросян, Нестор Лакоба, братья Серго и Папулия Орджоникидзе... Мы стоим, положив руки на плечи друг другу. Стоим одной шеренгой — друзья-грузины перед удалой пляской.

Когда он начал нас уничтожать, он не убрал ее в стол. Он только аккуратно замазывал черной краской тех, кого отправлял в лагерь или (чаще) в могилу. В конце концов на фотографии остался он один. Он стоял, положив руки на невидимые плечи исчезнувших друзей.

* Разбивка на главы, названия глав и выделения курсивом — Э. Р.

Окруженный чернотой, за которой прятались мы.

Почему он оставил ее на столе? Это знаю только я. Потому что лишь я знал настоящего Кобу. Барса Революции. Убийцу Революции. Знал лучше, чем знал себя он сам. Потому я и живой — единственный из его друзей.

Но вас интересует конец Кобы. Страшный и жалкий, как почти все тайны.

Я устал охранять его смерть. Я ведь не просто стар. Я неправдоподобно стар, но все еще живу. Иногда мне кажется, что это он, Коба, держит меня здесь, чтобы я рассказал... Иначе не отпустит. Он и *оттуда* распоряжается мною.

МОЙ ОТЪЕЗД

Улетел я из СССР 4 марта 1953 года. В тот день в шесть утра вся страна услышала голос диктора Левитана, так соединявшийся в нашем сознании с величественным обликом Кобы. Торжественный, великолепный голос впервые сообщил о его болезни. Страна завалила письмами газеты. Люди предлагали свою кровь, свою жизнь, лишь бы спасти его. Заседала Академия медицинских наук — разрабатывала тактику его лечения. Мне ни к чему было все это слушать. За три дня до того, в ночь на 1 марта, я уже узнал, что жизнь Кобы закончилась... И что там, на Ближней даче, лежит умирающее, беспомощное тело...

А я остался жить. Живой осел, покорное вьючное животное, которое лучше мертвого льва. Это повторено миллион миллионов раз, чтобы утешить нас, жалких ослов. Но все-таки я побывал на вершинах, куда вход доступен лишь небожителям. Благодаря Кобе. Моему заклятому врагу Кобе. Моему нежному другу Кобе.

Итак, 4 марта днем я сел в самолет, летевший в Рим. *Мне нельзя было медлить.* Я ехал на аэродром, когда на солнечной мартовской улице из всех репродукторов все тот же голос Левитана с торжественной скорбью читал очередной бюллетень о состоянии здоровья Кобы — о температуре, пульсе, давлении, количестве лейкоцитов в его крови. Будто у него была такая же кровь, как у всех.

Он умер на следующий день в девять часов пятьдесят минут.

В это время я уже находился в Риме, на старой явочной квартире. Квартира была на последнем этаже. Говорят, этот дом в XVII веке построила куртизанка Фьяметта. Раньше я не замечал, что здесь нет лифта. Теперь же с трудом поднялся по мраморной лестнице. Но я был жив, а Коба — мертв. Я сидел у окна, смотрел на площадь Навона, на знаменитый фонтан... Был март, но уже становилось жарко, и я задернул шторы. Я плакал. Ведь умер мой друг. «Легче перенести смерть брата, чем смерть друга» — такая у нас, у грузин, есть поговорка.

Я и потом плакал, когда вспоминал его последний день — 28 февраля... Точнее, последний день, когда он был всемогущим Кобой, страшным Кобой, барсом Революции.

Но в СССР я уже не вернулся.

И тогда же, в Риме, по свежим следам я описал *тот день, 28 февраля 1953 года...*

И день последующий.

«ТОТ ДЕНЬ» — 28 ФЕВРАЛЯ. УТРО

Утром двадцать восьмого, в последний день февраля, я должен был приехать к нему на Ближнюю дачу.

Страна тогда верила, что Коба живет и работает в Кремле. Всю ночь до рассвета над кремлевской стеной светило окно. Учителя вечерами приводили школьников на Красную площадь показывать негасимое окно, чтобы знали: их отцы после работы отдыхают, но отец страны неутомимо трудится в заботах о нас всех. На самом деле по примеру Романовых, живших в Царском Селе, Коба жил за городом — на даче, всего в тридцати километрах от Кремля (за это ее и называли Ближней).

Пылкий армянин, архитектор Мирон Мержанов, построил для Кобы эту прелестную дачку со множеством веранд. Ближняя много раз перестраивалась под диктовку Кобы. Но сам архитектор за перестройками наблюдать не мог. Опасно вплотную приближаться к моему другу Кобе. Смерти подобно. Я заплатил пятью годами лагерей. Следует добавить — «всего». Бедный архитектор — мно-

гими годами заключения. Следует и здесь добавить — «всего». Поэтому что полагалось платить жизнью. Другую плату от близких людей Коба принимал редко.

На этой веселенькой, зелененькой Ближней даче и поселился Коба после смерти жены. С 1932 года в Кремле оставался только его кабинет, где он работал до вечера. В своей кремлевской квартире он теперь редко ночевал, жизнь его отныне протекала на даче.

Каждый вечер несколько одинаковых черных ЗИСов выезжали из Спасских ворот Кремля и на бешеной скорости, меняясь друг с другом местами, неслись к Ближней. Весь маршрут объявлялся на военном положении. Дорогу охраняли автомобильные патрули и три с лишним тысячи сотрудников Госбезопасности. Шоссе шло мимо роши. В самой роще, между деревьями, на подъезде к даче и вдоль бесконечного ее забора, стояли все те же сотрудники КГБ («чекисты», как по старинке называл их Коба).

Дом окружал большой кусок светлого подмосковного леса с березками, осинками, высокими соснами и елями. Через весь этот лесок были проложены асфальтовые дорожки, поставлено множество фонарей. Здесь, у фонарей, «чекисты» и прятались.

На участке был вырыт неглубокий пруд с купальней, хотя Коба никогда не купался в нем. И вокруг пруда, среди деревьев, тоже хоронились бдительные «чекисты». Если охранник неумело прятался и Коба на него натыкался, он бил того сапогом.

Внутри дачи дежурили всего несколько самых проверенных «чекистов». Официально они именовались «сотрудники для поручений при И. В. Сталине». В разговорах между собой они называли дачу «Объектом», а себя — «прикрепленными к Объекту». Жили «прикрепленные» в особой пристройке. Там ночевал часто и я, когда оставался на Ближней. Эта пристройка соединялась с дачей дверью. Я назвал бы ее *Священной Дверью*. Открывать ее «прикрепленные» имели право *только по звонку* Кобы. Дверь эта вела в его апартаменты — в двадцатипятиметровый коридор, обшитый деревянными панелями. По обеим сторонам коридора располагались комнаты Кобы. Довольно скромное жилище для повелителя трети земного шара. (Мы, дети Революции, презирали жалкую буржуазную роскошь.)

Я все это подробно рассказываю, иначе не понять, что же случилось в *тот день* 28 февраля и в *ту ночь* — с 28 февраля на 1 марта. Ночь, оставшуюся навсегда со мной.

Накануне я лег спать рано — ведь наступал главный день моей жизни. Но уже *в пятом часу утра* меня разбудил звонок Кобы (это его обычный звонок, в пятом часу утра он, как правило, ложился спать после ухода «гостей»).

Коба сказал, что стало плохо работать «устройство» и чтоб я приехал проверить его к десяти утра.

Прослушивающее устройство было установлено во всех комнатах Ближней дачи, в Кремле и в квартирах членов Политбюро. Это небывалое по тем временам чудо техники создали летом 1952 года (об этом я еще расскажу подробнее).

С 1952 года Коба, не выходя с дачи, мог прослушивать все ее помещения, Кремль и квартиры членов Политбюро.

В последний февральский день было холодно и очень солнечно.

Снег еще не стоял — лежал в саду. *Я приехал на дачу к десяти* и сидел на кухне вместе с «прикрепленными». Мы все ждали звонка — вызова от Кобы. Наружная охрана сообщала: в комнатах «нет движения». На языке охраны это означало, что Коба спит. Причем «наружка» (охранники перед дачей) не знала, где именно он спит, в какой комнате постелила ему на ночь постель Валечка. Это тоже являлось государственной тайной.

Лишь «прикрепленные» (охрана внутри) имели право знать, где проводил ночь мой таинственный друг.

И сейчас «наружка» неотрывно глядела на окна.

Просыпаясь, он обычно сам отодвигал в комнате шторы. Только тогда «наружка» понимала, в какой комнате он спал, и немедленно сообщала о его пробуждении «прикрепленным».

Но я-то не сомневался, что Коба давно проснулся. И притворяется спящим — не отодвигает шторы, а внимательно слушает «устройство».

И также я знал: притворяется он в последний раз.

Итак, я сидел на кухне, облицованной белым кафелем, похожей на больницу, и пил чай с «прикрепленными». Здесь же был вызванный Кобой начальник охраны Берии Саркисов. Он любезничал с поварихой, рассказывал неприличные анекдоты.

— Ну какой вы! — говорила повариха, кокетливо хихикая.

— Ну какой я? — раздевал ее глазами Саркисов.

— Знойный мужчина! — играла глазками повариха...

Наконец-то! Около *одиннадцати* «наружка» позвонила: «В Малой столовой есть движение!» Это означало: Коба раздвинул шторы в комнате, именовавшейся Малой столовой.

Из всех комнат дачи он обычно выбирал одну и начинал в ней жить — есть, работать и спать. И уже не выходил из этой комнаты. Сюда переключались все телефонные звонки. Комнатка становилась столицей великой Империи, треть человечества управлялась из нее.

В тот последний его день таким местом оказалась Малая столовая.

Так она называлась в отличие от Большой столовой — огромной залы, где происходили его встречи с соратниками из Политбюро. Встречи, превращенные в ночные застолья.

«Гости» (так он именовал членов Политбюро) съезжались к полуночи. И начиналось веселье — ели, пили... Сам он пил мало, но щедро предлагал пить «гостям», и они не смели отказываться. Отказ означал: боится — вино развяжет язык. Значит...

Застолье сопровождалось обязательным весельем подвыпивших «гостей» — рассказывали анекдоты (матерные) и много шутили. Самая популярная и старая шутка — подложить помидор под зад, когда жертва встает произнести тост. Коба милостиво смеялся, а «гость», раздавивший задницей помидор, был счастлив: шутит, смеется — значит, не гневается! Застолье заканчивалось обычно в пятом часу утра, и он разрешал обессиленным шутам отправляться спать.

Но в последний год жизни Кобы многолюдные собрания на даче закончились. Исчезли частые прежде гости Большой столовой — члены Политбюро Вознесенский и Кузнецов, они теперь лежали в могиле номер один в Донском монастыре, в «могиле не-

востребованных прахов», куда сбрасывали сожженные тела расстрелянных кремлевских «бояр». Уже не звал Коба на дачу старую гвардию — Микояна, Молотова и Кагановича...

Теперь он приглашал сюда лишь четверых: Берию, Хрущева, Маленкова и Булганина. Они — его постоянные гости.

Но я знал: скоро перестанет звать и их. Знали об этом, конечно, и они...

Обычно после отъезда шутов из Политбюро Коба не сразу ложился спать. Работал или разговаривал с полуграмотными «прикрепленными». Рассказывал удалые случаи времен своих ссылок, по-старчески привирая. Если на даче был я, после ухода гостей запрягали лошадь. И мы с ним в коляске ездили кругами по саду Ближней дачи. Или немного работали в нем. Он любил хорошо ухоженный сад, как все мы, грузинские старики. Но сажать цветы не любил, Коба вообще ненавидел физический труд. Единственное, что ему нравилось, — срезать секатором головки цветов.

— Старик... Жалко его, — сказал мне как-то один из охранников.

Если бы они знали, что задумал тогда «старик»...

Правда, никакого старика и не было. Был друг мой Коба, старый барс Революции, приготовившийся к невиданному прыжку.

Мир жил в ожидании Апокалипсиса. Но об этом — позже.

На кухне наконец-то раздался звонок из его комнат — сигнал нести ему чай. Обычно чай по утрам приносил комендант дачи Орлов. Но Орлов (он накануне вернулся из отпуска) сообщил, что простудился. Коба, панически боявшийся заразы, запретил ему появляться. Чай понес помощник коменданта, невысокий, плечистый Лозгачев (маленький ростом Коба любил невысоких людей).

Помню, перед тем как идти, Лозгачев перекрестился. Это делали все «прикрепленные», прежде чем отправиться в самое страшное путешествие — к нему.

Я слышал, как, уходя, Лозгачев приказал поварихе: «Яичницу для Хозяина».

Он открыл Священную Дверь в его коридор и пошел, старательно громыхая сапогами. Коба не терпел, когда входили тихо.

Как он говорил — «крадучись». Его удивительный слух начал сдавать, и «прикрепленным» приходилось топтать с особенной силой.

Минут через десять Лозгачев вернулся и передал мне приказ Кобы «идти к нему». А главе охраны Берии Саркисову — «приготовиться к вызову».

Я вошел в Малую столовую, но она оказалась пустой.

Это была самая уютная комната его дачи. В углу потрескивали дрова в камине. На «турецком диване» валялась ночная рубашка. В центре стоял обеденный стол, как обычно заваленный бумагами. На этом столе, отодвинув их, он ел. И сейчас здесь находились самовар, остатки завтрака...

Я прошел мимо круглого столика с телефонами власти (прямой — с Госбезопасностью, другой — с двузначными номерами членов Политбюро и знаменитая «вертушка» — телефон правительственной связи) и вышел на веранду, соединяющуюся с Малой столовой...

Как я и предполагал, Коба давно проснулся. И сейчас, позавтракав, перешел из Малой столовой на веранду, освещенную холодным зимним солнцем. Он лежал на диванчике в кителе генералиссимуса и пижамных брюках. В последние годы ему нравилось носить военную форму. Мундир сглаживает старость. Украшает ее без того, чтобы сделать человека смешным, как это бывает с разряженными стариками. Он лежал, прикрыв лицо фуражкой, чтоб солнечный свет не бил в глаза. (Впрочем, какое в Москве солнце! Настоящее солнце — на нашей маленькой родине.)

На столике стояли бутылка нарзана и стакан с недопитой водой.

Коба лежал и слушал. Громко работало «устройство». Была включена «прослушка» квартиры Берии — столовой. Там, видно, тоже завтракали. Женский голос спросил по-грузински о каких-то покупках. Берия ответил по-русски, что все купили. Потом — тишина, только громкое чавканье. Берия всегда шумно ел...

Увидев меня, Коба приподнялся на диванчике, сунул ноги в золотые валенки (у него последнее время сильно опухали ноги).

— Сколько ни слушаю — ни хера! Знает говнюк мингрел... наверняка, знает... Включи Хруща. У меня что-то плохо получается.